

FINAL MEETING

POETRY OF ANNA AKHMATOVA

TRANSLATED BY ANDREY KNELLER

"An extraordinary woman, the history of an epoch mirrored in her life"

—NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Poems of Akhmatova

selected, translated, and introduced by Stanley Kunitz with
Max Hayward

MARINER BOOKS

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала - их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: "Со мною умри!"

Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой".
Я ответила: "Милый, милый -
И я тоже. Умру с тобой!"

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

1911

A.K.

Song of the final meeting

How helplessly chilled was my chest, yet
My footsteps were nimble and light.
I unconsciously put on my left hand
The glove that belonged on my right.

It seemed that the stairs were endless,
But I knew - there were only three!
Autumn, whispering through the maples,
Pleaded: "Die here with me!"

I was blindly deceived by my dreary,
Dismal, changeable Fate." "And I too,"
I responded, "My darling, my dear one,
And I'll also die here with you."

This is the song of the final meeting.
I looked up at your house, all dark inside.
Just the bedroom candles burned with a fleeting,
Indifferent and yellowish light.

1911

Меня, как реку,
 Суровая эпоха повернула.
 Мне подменили жизнь. В другое русло,
 Мимо другого потекла она,
 И я своих не знаю берегов.
 О, как я много зрелищ пропустила,
 И занавес вздымался без меня
 И так же падал. Сколько я друзей
 Своих ни разу в жизни не встречала.
 О, сколько очертаний городов
 Из глаз моих могли бы вызывать слезы,
 А я один на свете город знаю
 И ощупью его во сне найду . . .
 И сколько я стихов не написала,
 И тайный хор их бродит вокруг меня
 И, может быть, еще когда-нибудь
 Меня задушит . . .
 Мне ведомы начала и концы,
 И жизнь после конца, и что-то,
 О чем теперь не надо вспоминать.
 И женщина какая-то мое
 Единственное место заняла,
 Мое законнейшее имя носит,
 Оставивши мне кличку, из которой
 Я сделала, пожалуй, все, что можно.
 Я не в свою, увы, могилу лягу . . .

“This Cruel Age Has Deflected Me . . .”

This cruel age has deflected me,
 like a river from its course.
 Strayed from its familiar shores,
 my changeling life has flowed
 into a sister channel.
 How many spectacles I've missed:
 the curtain rising without me,
 and falling too. How many friends
 I never had the chance to meet.
 Here in the only city I can claim,
 where I could sleepwalk and not lose my way,
 how many foreign skylines I can dream,
 not to be witnessed through my tears.
 And how many verses I have failed to write!
 Their secret chorus stalks me
 close behind. One day, perhaps,
 they'll strangle me.
 I know beginnings, I know endings too,
 and life-in-death, and something else
 I'd rather not recall just now.
 And a certain woman
 has usurped my place
 and bears my rightful name,
 leaving a nickname for my use,
 with which I've done the best I could.
 The grave I go to will not be my own.

.....
Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец . . .

— Ленинград, 1944

But if I could step outside myself
and contemplate the person that I am,
I should know at last what envy is.

— Leningrad, 1944